

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Три года прошло с того события, которое погрузило Россию в печаль и траур, как уже появились две истории жизни императора Александра. Не оспаривая достоинство этих сочинений, я позволю себе заметить, что почти исключительно посвящённые описанию политических событий и памятной борьбы между двумя величайшими державами Европы истории эти мало освещают личность монарха, который сыграл в этих событиях столь важную роль. Они дают лишь поверхностную характеристику Александра, державного противника великого человека*, который лишь в некоторых отношениях проявил больше величия, чем его добродетельный соперник.

В первом порыве естественной скорби, внушённой мне смертью моего государя, — монарха, которого я имела счастье знать, восхищаясь его благородным, трогательным характером, я пыталась описать добродетели того, чью смерть я оплакивала. Но потому ли, что недавнее, сильное горе слишком воспламеняло моё

* Тот, кто извлёк Францию из пропасти революций, кто в течение некоторого времени сумел даже внушить Александру чувство восхищения перед своими дарованиями, — тот, само собой, не был человеком обыкновенным. И притом Наполеон доказал, как мало значит человеческое величие!

воображение, или же потому, что я слишком увлеклась величию моего героя, я вскоре заметила, что тон, принятый мной в этом сочинении, не соответствует моим слабым способностям и не приличествует истории. Бросив тогда эту неудачную попытку, я горячо желала, чтобы знаменитый писатель, который один достоин быть истолкователем религии и гласом государей, взялся за предмет столь его достойный! По некоторым гармоническим отрывкам, которые успели уже появиться, я надеялась, что пламенное желание моё исполнится, но голос умолк, и желание моё сменилось сожалением.

Тем не менее, раздумывая — в тишине ли уединения или среди шума городов и двора, — о прекрасной жизни Александра, я почувствовала, сколь мало я ценила выдающиеся добродетели этого государя, думая, что один лишь великий талант мог отдать им дань уважения и поведать о них потомству. Факты говорят сами за себя, и те, которые связаны со славным именем этого государя, имеют такую притягательную силу, что для правдивого их изображения достаточно выразить чувство благодарного сердца. Итак, я смею надеяться, что чувствительные души, не поддающиеся роковому влиянию охлаждающего времени, с интересом найдут здесь очертание благородных и великодушных качеств государя, заслужившего любовь и благодарность не только своих подданных, но и всей Европы.

ГЛАВА I

Первые годы жизни Александра I.

Дворцовый заговор.

Смерть Павла Первого

Александр I родился в 1777 году. С годами природные хорошие качества великого князя всё более развивались. Казалось, всё гармонично сочеталось в юноше, которому впоследствии суждено было занять один из первых престолов в Европе и столь блестящее место в истории.

Выдающаяся внешняя красота как бы отпечатлевалась на себе равную ей красоту его души. Свойственная его характеру неизменная кротость с детства привлекла к нему всеобщую любовь и сосредоточила на нем лучшие надежды могущественной Российской империи. Говорят, императрица Екатерина так полюбила своего внука, что предполагала удалить от престола собственного сына, несчастного Павла Петровича, и назначить Александра своим преемником.

В то время не было основного закона, регулирующего наследственность российского престола: порядок перворождённости был установлен лишь в следующее царствование. Притом не было препятствия для гения Екатерины, привыкшей все подчинять своей

власти. Она пожелала лично руководить воспитанием своего внука.

Между тем при редких качествах, которыми был одарён Александр, можно было желать лишь одного: чтобы августейшая мать великого князя, по собственному желанию, могла бы сама следить за первыми впечатлениями своего сына среди этого двора, изящного, но безнравственного, — и руководить им со свойственными ей бдительной мудростью и проницательной твёрдостью. Какую власть приобрели бы над сердцем такого сына мудрые наставления столь добродетельной матери, проникнутой любовью к добру, посвятившей всю свою жизнь счастью человечества!

Тем не менее, избранный Екатериной в воспитатели юного великого князя полковник Лагарп мог успокоить заботливую мать и удовлетворить желания русского общества. Мудрый воспитатель нашёл во вверенном ему августейшем ученике самые счастливые природные задатки. Чтобы докончить дело природы и выполнить вверенную ему важную задачу, ему предстояло лишь развивать, поддерживать и направлять эти прекрасные задатки. Одарённый нежной и чувствительной душой, Александр беззаветно привязался к почтенному и проницательному воспитателю, посвятившему ему своё время и силы. Он всегда относился к нему как к надёжному и верному другу.

Александр любил учиться, у него были изумительная память, восприимчивый ум, глубокий и тонкий. С ранней молодости он проявил склонность к военным наукам, прилежно занимался тем, что ему угодно было называть своей службой, в точности соблюдая дисциплину и самое строгое повиновение. В нем была в высшей степени развита любовь к порядку и к работе. Но особенно было в нем восхитительно всегда ров-

ное настроение духа, — качество столь редкое и драгоценное в монархе и проистекавшее из природной его доброты. Ничто не могло нарушить приветливую благожелательность, отражавшуюся как в чертах лица, так и в его действиях.

Александр говорил на нескольких языках, и особенно на французском языке — весьма свободно, изящно и красноречиво. Приёмы его обращения были очень привлекательны. В первой молодости в них проглядывала некоторая застенчивость. Никто в такой степени не обладал даром нравиться и побеждать все сердца. Никто, я уверена, не мог видеть и слышать Александра, не сказав себе, расставаясь с ним: «Какое было бы счастье иметь его другом!»

Едва Александр вышел из отрочества, как императрица Екатерина, опасаясь для него бурных увлечений молодости, постаралась наложить узду на его страсти, с юности связав его священными узами: неосторожность, последствия которой повлияли более, чем думают, на будущность и семейное счастье великого князя и его августейшей супруги. Согласно установленному в России обычаю, вызванные ко двору три юные германские принцессы предстали перед очами Екатерины, которой предстояло избрать среди них супругу для внука. Выбор этот определился, как говорят, довольно своеобразно, и простой случай помог Екатерине в такой же степени, как если бы она, после долгих наблюдений, подчинилась своему просвещённому суждению.

Из окна императорского дворца царица увидела подъезжавших юных принцесс. Все три были весьма привлекательны. Екатерина заметила, что принцесса, первой вышедшая из кареты, проявила, выходя из неё, слишком много поспешности. Жизнь эта, на ее взгляд, не предвещала ничего хорошего. Появившаяся

за ней следующая принцесса запуталась в шлейфе своего платья. «Какая медленность и неловкость!» — сказала императрица. Наконец последняя сошла с полным самообладанием. «Вот кто будет великой княгиней!» — воскликнула Екатерина.

Это была Елизавета Баденская. Внешность ее утвердила императрицу в ее выборе и привела в восторг юного великого князя, сердце которого не могло сделать лучшего выбора. Действительно, Елизавета соединяла в себе все чары. Ослепительный цвет лица, свежий, как розы, белокуро-пепельные волосы, спускавшиеся на плечи алебастрового цвета, талия сифиды, черты лица, одушевленные умом и чувством, большие голубые глаза — все в ней привлекало и очаровывало взоры.

Страстно влюбленный в свою прекрасную юную подругу, Александр нашёл в ее приятной беседе, в ее просвещённом уме, в нежности, которую она питала к нему, — все, что могло облегчить ему тяжёлое существование, наставшее для него со смертью императрицы Екатерины и восшествия на престол его отца.

Долгие нравственные страдания исказили и ожесточили характер несчастного Павла I, от природы одарённого умом живым и пронизательным, сердцем чувствительным и великодушным. Несчастливая склонность к подозрительности, чрезвычайная его раздражительность, долго сдерживаемая пассивным подчинением, — вышли из всех границ при достижении Павлом высшей власти. Со временем эти отрицательные свойства лишь усилились, и в те минуты, когда благодаря им можно было опасаться всего, и когда собственная семья государя искала самозащиты, — в эти минуты один Великий князь Александр, умевший противопоставить почтительную твёрдость часто

прихотливым требованиям императора, — мог порой успокаивать его ум, поражённый неисцелимой болезнью. Снедаемый пламенным и подозрительным воображением, вечно представлявшим ему опасности и тайных врагов, несчастный монарх сам был злейшим своим врагом. В конце концов он сам стал жертвой своих мрачных опасений.

Ссылки приняли ужасающие размеры. Террор царил повсеместно — при дворе, в столице, в армии и даже в самых отдалённых провинциях государства. При самом осторожном поведении никто не мог считать себя в безопасности от доноса, никто не мог рассчитывать на следующий день. Прибытие императорского курьера в отдалённую местность всех повергало в ужас, каждый с содроганием спрашивал себя: «Не обо мне ли роковой приказ?» — и каждый уже видел мысленно кибитку, которая унесет его в сибирские пустыни*. Невольное упущение в строгом этикете или в предписанной императором форме, самая незначительная небрежность в военной службе, — этого было достаточно, чтобы навлечь на себя кару ссылки, и Сибирь населялась людьми с громкими именами.

Среди находившихся в то время в Петербурге знатных иностранцев граф Шуазель-Гуфье, бывший ранее посланником в Константинополе, осыпанный милостями императора Павла, не знавшего пределов своей щедрости, внезапно получил приказ удалиться в дарованные ему государем литовские поместья и в двад-

* Отец мой, граф Фитценгауз, в то время уже с год как изгнанный в Казань, однажды обедал в многочисленном обществе у местного губернатора, когда, во время трапезы, внезапно доложили о прибытии фельдъегеря. Все гости побледнели, губернатор дрожащими руками раскрыл адресованный на его имя пакет, в котором, к общему успокоению, заключался орден для одного из стоявших в Казани генералов.

цать четыре часа покинуть Петербург. Не постигая вызвавших его опалу причин, граф Шуазэль послал своего сына попросить паспорт у графа Палена, в то время петербургского губернатора. Пален был на параде, он вскоре возвратился. Увидев графа Шуазёля, он оттолкнул лакея, подошедшего, чтобы взять его шляпу и португезу, и, взволнованный, воскликнул: *«Дорогой граф, я в отчаянии от того, что с вами случилось. Это невыносимо, такой порядок вещей не может продержаться, пора с этим покончить!»*. Несмотря на свою крайнюю молодость, граф Шуазэль был поражён такой неосторожной речью и больше всего тем выражением, с которым были произнесены эти замечательные слова. Восемнадцать месяцев спустя Павла уже не было в живых! Быть может, при этом будет уместно познакомить читателя с тем глубоко скрытным человеком, который сыграл в этом заговоре роль настолько важную, что с достаточным основанием можно считать его *единственным* его виновником. Курляндский дворянин Пален в ранней молодости вступил на русскую службу и в царствование Екатерины II достиг чина генерал-майора. Благодаря протекции фаворита Зубова он получил место гражданского губернатора в Риге.

Вскоре после своего восшествия на престол император Павел был проездом в Риге, остался доволен Паленом и перевёл его в Петербург. С поспешностью, характеризовавшей все его шаги, Павел наградил нового своего любимца целым рядом должностей, поместий и милостей. Назначил его шефом гвардии, губернатором Петербурга, пожаловал ему высшие ордена империи и подарил значительные поместья в Курляндии, ею отчизне. Пален устоял против всех этих милостей. Он сохранил тайные сношения с Зубовыми,

своими прежними покровителями, и сообщая с ними замыслил погубить щедрого государя, так возвысившего его в государственной службе.

Причину такой чёрной неблагодарности следует искать в безнравственном характере Палена: большой любитель жизненных усад, притом — плохой офицер, он изнемогал под тягостью военной службы, которой обременял его император, а также подробных рапортов, которые он ежедневно должен был представлять ему о частной жизни, действиях и разговорах петербургских жителей.

Столь же осторожный, как и вероломный, Пален стремился возможно меньше подвергаться риску в заговоре и выступать лишь с величайшей осмотрительностью, поэтому он привлёк к своему предприятию друзей, которые могли обеспечить успех его замысла. Платон Зубов, отъявленный враг Павла I, которому государь этот имел неосторожность оставить несметные богатства, приобретённые в предшествовавшее царствование, представился Палену наилучшим орудием для заговора, который открывал ему возможность удовлетворить чувства личной ненависти. Притом Зубов, долго остававшийся в милости, сохранил много связей. А брат его, Валерьян, всегда был окружён людьми без принципов и нравственности, способными содействовать всякого рода преступлениям и покушениям.

Пален, почти уверенный в готовности Зубова оказать ему содействие, сообщил ему о своём желании вступить с ним в переговоры. А для того, чтобы император дозволил ему вернуться из его поместий, где он жил в изгнании, он посоветовал ему выразить мнимое желание вступить в брак с дочерью Кутайсова, другого любимца Павла, который этого ничтожного турец-

кого раба, своего цирюльника, внезапно сделал одним из главных сановников империи, возвёл его в графское достоинство и осыпал милостями. Кутайсов вскоре получил письмо от Зубова, просившего руки его дочери.

Вне себя от радости, он тотчас отправился с этим письмом к императору, бросился к его ногам и стал молить не ставить препятствия счастью его дочери, — не отказать Зубову в разрешении вернуться в Петербург. Павел охотно согласился исполнить желание своего любимца и заметил, что просьба Зубова была единственной его разумной мыслью во всю его жизнь. Тогда Зубов окончательно договорился с Паленом. Последний без труда привлёк на свою сторону часть гвардии, ибо, к несчастью, Павел обременял утомительной службой, резкими выговорами и строгими наказаниями этот полк, давно уже привыкший к тому, что в России дворцовые перевороты совершаются без пролития крови.

Истинный план заговора, по уверению заговорщиков, не простирался до лишения императора жизни. Предполагалось, по их словам, заставить его подписать акт отречения, по которому он соглашался бы передать корону наследнику престола, Великому князю Александру, предоставив себе право избрать своё местопребывание в окрестностях Петербурга, или в какой-либо провинции империи, или за границей, — в той стране, где он пожелал бы поселиться.

Пален с другими заговорщиками ясно сознавал, что невозможно было лишить обширное государство его главы, не заручившись для него преемником. С другой стороны, зная благородный характер Александра, они не надеялись, чтобы он согласился принять регентство. Между тем необходимо было прийти на помощь нации, которую Павел не уважал в достаточной сте-

пени и к которой, благодаря своему пылкому воображению, он относился с чрезвычайной строгостью. Пален понял, что единственное средство достигнуть цели состояло в том, чтобы посеять разногласие среди императорской семьи, — между отцом и детьми, между супругом и супругой, и, в конце концов, привести подозрительного императора к роковой мере — к несправедливым, жестоким преследованиям собственной семьи.

Между тем один из заговорщиков, мучимый угрызениями совести, быть может, страшаясь последствий столь преступного предприятия, не желая выдать своих сообщников, анонимным письмом* предупредил императора о заговоре. Встревоженный Павел тотчас призывает Палена.

Последний, заранее обдумав свои коварные ответы, с невозмутимым хладнокровием предстаёт перед своим повелителем. Без малейшего волнения выслушивает все внушённые недоверием, тревогой и гневом речи Павла, которые могли бы заставить одуматься другого, менее закоренелого преступника. При словах императора: «Против меня составляется заговор, и вы, петербургский губернатор, вы этого не знаете?» Пален отвечает: «Простите, Ваше Величество, я не только о нем знаю, но сам к нему принадлежу».

При этих изумительных словах на лице императора одновременно отразились мучительная тревога, сомнения и удивление.

«Да, Ваше Величество, — продолжал Пален тем же спокойным тоном, — все нити заговора известны мне. Я принадлежу к числу заговорщиков, но для того

* Другие утверждают, что Пален распорядился сам, чтобы Павлу передано было это тайное извещение.